ляет себе говорить от имени моря:

Keinun pimeissä syvyyksissäni
syntymättomiä saaria kantain.
(«Meren laulu maalle») [31, s. 415])

(Качаюсь в своих глубинах, неся нерожденные острова.—
«Песнь моря земле»).

Приведенные строки как бы перекликаются со стихотворением Эйно Лейно «Я» («Minä»):

Minä oli alussa ⟨...⟩
Minä on maailman ajatus ⟨...⟩
alku, loppukin elämän ⟨...⟩
kaikki on sinussa: aika,
ijäisyys, elämä, luonto,
isänmaa ja ihmiskunta...
[35, s. 281—283]

(В начале было Я ...Я — это мысль мира, начало и конец жизни. Все в тебе: время, вечность, жизнь, природа, отчизна и человечество...). У Лейно личность возвышена над миром и обществом. Позиция поэта-неоромантика — «все в тебе». У Вала героиня растворена в мире: она среди людей, цветов, зверей, живой и неживой природы. Однако не только «все в тебе», но и «ты во всем» — такова позиция ее лирической героини.

Я — воздух, я — хлеб,
я — кровь в людских жилах,
я — сон, я — плач ребенка.
(«Недосягаемый». Пер. К. Еголина
[27, с. 236]).

Отсюда—ощущение личной ответственности за все сущее, определяющее гражданский пафос ее поэзии:

А теперь я по селам
хожу, хожу, ⟨...⟩
Я воспламеняю людей, ⟨...⟩
в людей я вселяю бесстрашье свое.
(«Недосягаемый». Пер. К. Еголина
[27, с. 236]).

Героиня Вала бессильна лишь в стихах о любви. Здесь она обыкновенная женщина, которой знакомы отчаянье и несчастье. Когда героиня нежеланна, она находит в себе силы «исчезнуть тише, чем звезды с утреннего неба» (стихотворение «Нить жемчуга» — «Helmiketju»):

«⟨...⟩ Olen katoava hiljaisemmin
/kuin aamutaivaalta tähdet» [31, s. 136].

В чувстве всетождества (выражение К. И. Чуковского) Вала была близка Уолту Уитмену, стихами которого восторгалась в молодости. «Слово „идентичность“ (Identity) — одинаковость, тождество — любимое слово Уолта Уитмена. ⟨...⟩ какую вещь ни увидит, про всякую он говорит: это — я. Здесь не только „предумышленная“ схема, но и живое органическое чувство» [36, с. 21]. В своих первых сборниках Катри Вала сама видела черты индивидуализма, но в ее чувстве единства с окружающим миром уже была заложена победа над индивидуализмом.

В стихотворении «Молитва» («Rukous») из «Далекого сада» Вала отождествляет себя с огнем:

Tahdon leimuta! / Tahdon palaa korkeana! [31, s. 35]